

КОНЦЕПТ. ОБРАЗ. ЯЗЫК

Е. Б. Артеменко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается структура концептуальной единицы, подвергаются анализу противоречия в ее трактовке. Обосновывается тезис о языке как генетически исконном и основном знаковом орудии объективации концепта.

Ключевые слова: концепт, образ, язык, структура, коммуникация, когниция.

Abstract: the article analyzes the contradictions in the interpretation of the structure of concept as a specific unit. The author argues that language is the primordial instrument of representation of the concept.

Key words: concept, image, language, structure, communication, cognition.

Во второй половине XX в. в связи с разработкой проблемы искусственного интеллекта и других близких к ней проблем активизировался интерес к мыслительно-познавательной деятельности человека. На современном этапе анализа названной деятельности предмет пристального внимания ученых – проблема знания. В связи с этим установкой сложившейся в указанных условиях когнитивной науки стала «направленность на получение знания о знании» [1, с. 41]. Обозначенная направленность реализуется путем ориентации на проблемы, связанные с приобретением, обработкой, хранением, извлечением, накоплением, систематизацией знаний, использованием их в процессах мышления и коммуникации [1]. Структурой, посредством которой осуществляется объективация знаний и оперирование ими, стала единица знания – концепт. В то же время включенность знания в более широкий контекст мыслительной деятельности предопределила подход к концепту как к универсальной единице мышления. А в русле интерпретации концепта как структуры знания в проекции на сферу культуры он стал рассматриваться как ментальное культурное образование, элемент культурной информации.

Таким образом, вырисовываются три ключевых подхода к концепту: концепт как единица знания; как универсальная единица мышления; как элемент (единица) культурной информации.

Понятие концепта стало центральным в когнитивной науке и ее области – когнитивной лингвистике. При этом одним из основных в теории концепта стал вопрос о средствах его объективации и в этом плане – об отношении концептуальных и языковых единиц. Вопрос не получил пока однозначного решения. Одна из причин подобного положения дел ус-

матривается в наличии между названными подходами к концепту определенных противоречий. Настоящая статья направлена на выявление и анализ указанных противоречий. Первоочередной на этом пути видится задача характеристики обозначенных подходов.

Доминирующим подходом к концепту, составляющим основу других его интерпретаций (в связи с соответствием содержания концепта ведущей научной тенденции изучения феномена знания), является подход к нему с позиции его онтологической природы как к единице оформленного знания (или в претенциозно-образной формулировке – как к кванту структурированного знания).

Функциональная специализация и актуализация концепта как единицы знания способствовала сближению концептуальных единиц различного гносеологического уровня, подведению их под «общий знаменатель»: «Когниция, – указывает Н. Н. Болдырев, – это понятие, которое охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного – опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром» [2, с. 9].

В аспекте указанного сближения весьма показательно объединение в одном содержательно-типологическом ряду концептуальных единиц чувственно-наглядного и логического характера – представления и понятия.

Второй подход к концепту – признание его универсальной единицей мышления – был инициирован исследованиями психолога Н. И. Жинкина. Для традиционного взгляда на ментально-познавательную деятельность человека характерно понимание форм наглядно-образного и логического мышления как

величин функционально однопорядкового – отражательного – типа, но различающихся уровнем своей познавательной способности. При этом делается акцент на типолого-гносеологическом различии названных форм и на несходстве объективирующего их субстрата, образного в первом случае и языкового – во втором. Этому положению Жинкин противопоставил идею разнофункционального единства указанных форм в мыслительных процессах. Ученый установил, что в условиях мышления «про себя» (так называемой внутренней речи) наглядно-чувственный образ (представление) выступает средством кодирования – первоначальной знаковой экспликации – логического содержания мысли, преобразуемым при переходе на речедвигательный код в единицы языка [3, с. 158–160]: «У человека <...> изображение входит в самый состав его мышления» [там же, с. 160]. Чувственно-образной субстанции как семиотической составляющей мыслительных процессов исследователь дал название универсального предметного кода (далее – УПК).

Следствием явилась актуализация в науке понятия концепта как монокомпонентной / бикомпонентной ментальной структуры, образуемой во втором случае функционально неоднородными компонентами – логическим (абстрактным, рациональным, информативным) и наглядно-образным (перцептивным), из которых второй выступает средством знаковой презентации первого и концепта в целом. Это сообщает образной составляющей концептуальных единиц бифункциональный характер. В монокомпонентном концепте происходит актуализация собственно гносеологической функции образа. Когда же образ представляет логическую составляющую концептуальной структуры, его гносеологическая функция совмещается с семиотической и ставится в подчиненное ей положение, в известной степени затушевывается ею.

Попытку представить конкретно-чувственный образ в составе концепта только в его перцептивно-познавательной функции предпринял В. И. Карасик. Рассматривая концепт с культурологических позиций, ученый высказал мнение о том, что его структуру образуют соположенные, функционально не дифференцированные относительно друг друга стороны: ценностная, образная и понятийная. При этом понятийная сторона концепта проявляет себя в языковом воплощении [4, с. 109, 116].

В то же время ряд ученых (и среди них воронежские когнитологи), опираясь на концепцию УПК Н. И. Жинкина, акцентируют внимание на факте функционального несходства логического и чувственно-наглядного компонентов концепта в плане выполнения вторым из них функции знаковой экспликации первого. Известная абсолютизация данного положе-

ния существенно ограничивает роль языка в сфере ментальной деятельности человека, если вообще не устраняет язык из этой сферы. Отсюда идея невербального характера процесса мышления. Презентируя логический элемент, чувственный образ выступает, как утверждается, универсальным перцептивным субстратом мыслительно-познавательной деятельности: человек мыслит образами, представляющими и замещающими в его сознании логическое содержание концептуальных структур: «Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код», единицами которого «являются предметные чувственные образы» [5, с. 39, 40]; «В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к ним рациональные знания» [там же, с. 40].

С этих же позиций получают характеристику и средства экспликации этнической концептосферы. Последняя интерпретируется как «упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [5, с. 36], «область знаний, составленная из концептов как ее единиц» [там же, с. 35]. При этом «концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации» [там же, с. 41]. А это значит, что концепт (в его логической ипостаси) и в пространстве этнической концептосферы, т.е. уже за пределами непосредственного осуществления индивидуальных мыслительных процессов, продолжает существовать на базе наглядно-образного субстрата.

Идея презентации перцептивным образом еще более широкого, практически ничем не ограничиваемого пространства концептуального бытия имплицитно присутствует и в следующем высказывании: «В принципе, для формирования концептов и их существования язык сам по себе не требуется. Он нужен для обмена концептами (мыслями) и их обсуждения в процессе общения. Для этого необходимо концепты вербализовать, т.е. выразить языковыми средствами, назвать» [2, с. 28]. Для взаимодействия с концептуальными единицами, как видим, языку отводится только сфера коммуникации. «Мышление невербально. Язык существует не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека» [5, с. 41]. Соответственно, вербализации подвергаются только коммуникативно релевантные концептуальные структуры. При этом «наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования» [5, с. 20]. Тем самым бикомпонентный концепт, как и монокомпонентный, становится самодостаточной, существующей независимо от языка ментальной величиной. Язык же в этих условиях

оказывается ориентированным преимущественно на сферу коммуникации. Как орудию знаковой объективации концептуально-логического содержания (выполнения второй характерной для него, когнитивной функции) языку отводится при этом вторичная, производная относительно конкретно-чувственного образа, необлигаторная, избирательная роль. Языковые средства приобретают в этом случае характер явления внешнего по отношению к концептуальной сфере народа, приводимого во взаимодействие с концептуальными структурами спорадически, при возникновении коммуникативной ситуации.

В рамках третьего из рассматриваемых подходов к концепту – культурологического – внимание сосредоточивается на отношениях между представляемой концептуально-языковыми единицами логической информацией и контекстом этнической культуры. Данный подход находит преимущественное выражение, с одной стороны, в выявлении в составе различных этноконцептосфер культурно маркированных концептов и, с другой стороны, в сопоставлении результатов культурной презентации разными народами отдельных фрагментов действительности с трактовкой этих результатов в аспекте действия этнокультурных факторов. При этом анализ концептов осуществляется в их языковом воплощении, его, имеет концептуально-языковой характер.

В целом же, как представляется, работа в обозначенном направлении характеризуется преобладанием эмпирических наблюдений над их обобщенной теоретической интерпретацией, что может быть объяснено относительной молодостью лингвокультурологии как научной дисциплины.

Итак, проблема средств знаковой экспликации логического компонента концепта решается в современной науке двояким образом: с традиционной точкой зрения – логическое содержание мысли в его языковом воплощении – соотносится идея господства образно-перцептивного представления указанного содержания. И хотя участие обеих названных субстанций (языковой и наглядно-образной) в презентации логической составляющей концепта так или иначе признается практически всеми учеными-когнитологами, характер этого участия трактуется далеко не однозначно. Эта неоднозначность послужила причиной упомянутых выше противоречий. Данные противоречия выявляются, во-первых, при попытке совместить интерпретацию концепта как единицы знания с идеей перцептивно-образной субстанции как приоритетного субстрата концептуально-логического содержания и, соответственно, концепта в целом (см. подходы первый и второй); и, во-вторых, при попытке согласовать указанную идею с трактовкой концептуальной единицы как этнокультурного явления (подходы второй и третий).

Обратимся к анализу указанных противоречий.

Квалификация концепта как единицы знания в большинстве случаев сопровождается положением о его преимущественно языковой экспликации (например: «Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [6, с. 29]); соотношение *концепт – язык* составило основу капитального труда Е. С. Кубряковой [1] и ряда других работ). Однако при этом никем из исследователей не приводятся факторы, обуславливающие это соотношение.

Ученые, акцентирующие внимание на концепте как универсальной единице мышления, рассматривают вопрос о средствах выражения его логической составляющей с несколько иных позиций. Открытие Н. И. Жинкиным факта кодирования, resp. знакового представления конкретно-чувственным образом логического компонента мысли, значительно продвинуло науку по пути познания устройства и функционирования механизма ментальной деятельности человека. Однако значительным открытиям нередко сопутствует их абсолютизация, далеко не всегда способствующая научно-объективной трактовке их содержательной сути. Нечто подобное произошло, по-видимому, с идеей Н. И. Жинкина о семиотической функции образа в мыслительном процессе. Результатом явилось возникновение нескольких спорных, вызывающих возражение, дискуссионных положений. Основными из них представляются следующие.

В наиболее простом случае на метонимической основе произошло не совсем корректное смещение в обозначении функции перцептивного образа: он стал рассматриваться в качестве средства знакового представления не только логической части концептуальной структуры, но и всего концепта в целом, в том числе и самого себя; произошло совпадение плана выражения концептуальной единицы с частью плана ее содержания.

Аналогичная накладка обнаруживается и в том случае, когда речь идет о вербализации концепта в зависимости от его коммуникативной релевантности. В этом случае также имеется в виду не концепт в целом, а его логический компонент, поскольку intersубъектная коммуникативная трансляция образа как индивидуально-перцептивного феномена возможна, очевидно, только на уровне телепатии, а языковыми средствами в силу их социально-обобщенного характера непосредственно неосуществима¹.

¹ Итак, когда в работах по когнитивной лингвистике говорится о представлении концепта средствами конкретно-чувственного образа и / или языка, имеется в виду выражение указанными средствами логического компонента концепта, а не всей концептуальной единицы в целом: с одной стороны, логическое (рациональное, информативное) содержание этой единицы, с другой – его наглядно-образная или языковая презентация.

Другим, более серьезным последствием абсолютизации образной субстанции концептуальных структур явилось признание наглядно-чувственного образа универсальным средством знакового представления их логического компонента в мыслительной деятельности (внутренней речи), что практически означает ограничение и / или даже отрицание возможности использования в этой функции других, прежде всего языковых средств. Отсюда, как уже говорилось, проистекает идея невербального характера мыслительных процессов, осуществления их без участия языка.

Однако факт исключительного или преимущественного осуществления ментальных процессов на базе наглядно-чувственного субстрата не представляется бесспорным. Не следует забывать о том, что хрестоматийным примерам исследовательской деятельности А. Эйнштейна и Ж. Адамара, совершающейся на чисто образной основе, противостоят не менее показательные примеры умственной работы только на материале языка, в частности факт творческой деятельности С. Лема, осуществлявшейся, по свидетельству самого писателя, с использованием исключительно языковых средств.

Следует принять во внимание также и то обстоятельство, что концептуальные системы современных развитых цивилизаций располагают смыслами такой степени абстракции, для «овеществления» которых субстанция образов с ее преимущественно предметной направленностью оказывается заведомо недостаточной.

Все это показывает, что считать решенной проблему знакового субстрата логического компонента концептуальных структур в сфере мыслительной деятельности пока преждевременно. Здесь, по-видимому, возможны индивидуальные – интенциональные и неинтенциональные, вариативные и невариативные – предпочтения и решения.

И наконец, наиболее масштабные формы абсолютизации перцептивно-образного начала как орудия представления логического элемента концепта приобрела на путях выхода образа в указанной «представительской» функции за пределы сферы индивидуальных мыслительных операций, распространения ее на пространство этнической концептосферы и, шире, на всё этноконцептуальное пространство в целом без каких-либо ограничений (см. выше). При подобном расширении функциональных возможностей конкретно-чувственного образа он становится универсальным средством манифестации концептуально-логического элемента не только в отведенных ему человеческой природой границах индивидуальной ментально-процессуальной деятельности, но и в сфере социальной экзистенции концептуальных структур. Идея концептуально-функционального

универсализма чувственно-образной субстанции и составила основу первого из указанных выше противоречий.

Суть противоречия видится в следующем.

Выше уже говорилось о том, что в структуре бикомпонентного концепта как единицы знания произошло объединение концептуальной информации двух типов – наглядно-образной и логической (хотя наглядно-образная информация и актуализируется здесь прежде всего в иной, чем собственно когнитивная, вторичной, знаково-«представительской» функции. Попутно отметим, что подобная актуализация не только затушевывает гносеологическую функцию конкретно-чувственного образа, но в определенной мере стирает, делает менее очевидным различие в уровне и характере отражения действительности образным и логическим компонентами концепта. Это еще одна дань явлению абсолютизации перцептивно-образной стороны концептуальной структуры на пути сближения, «уравнивания» исследователями типов и форм когниции).

Из двух обозначенных типов когнитивной (гносеологической) информации – наглядно-образного и логического – собственно «человеческим» является логический (рациональный) тип знания, продуцируемый структурой свойственных только человеку обобщенных ментальных форм. Воспроизведение реалий внешнего мира в чувственно-наглядных образах (в концептах наглядно-чувственного содержания) образует, как известно, более низкий уровень отражательной деятельности, свойственный и человеку, и высокоорганизованному животному. (Не случайно чувственно-образной субстанции, обладающей собственным познавательным потенциалом, в структуре концепта была отведена вспомогательная роль знаковой презентации его логического содержания.)

Знаниям же логического (рационального) типа присуще свойство, исключаящее возможность их экспликации средствами мыслящегося универсальным наглядно-образным субстрата. Это свойство – социальный характер указанного типа знаний.

Общепризнанным в современной науке является положение, согласно которому человек представляет собой существо социально-биологическое. От животных его отличает прежде всего наличие социальных свойств, сложившихся у него в процессе становления и развития общества, в процессе эволюции самого человека как члена общества. Основным из этих свойств является способность к общественно-трудовой деятельности (коллективному труду). Именно это свойство обусловило выделение человека из мира природы и формирование у него других социальных свойств, прежде всего логического (абстрактного) мышления и языка (речевого общения).

Участие логического мышления в осуществлении коллективной трудовой деятельности находит свое выражение, в частности, в органическом единстве с этой деятельностью и знаний логического типа – в их, деятельности и знаний, взаимодействии, взаимопроникновении, взаимопродуцировании, – по сути, в превращении вторых в облигаторный атрибут первой.

С одной стороны, знания обозначенного типа представляют собой содержательно эволюционирующий продукт коллективных трудовых процессов, становящийся фактом общественного сознания и проецируемый на этой основе на последующие акты социально-трудовой деятельности. С другой стороны, эти знания принимают на себя функцию интеллектуального обеспечения указанной деятельности: они служат ее предпосылкой, необходимым условием осуществления, одним из обуславливающих ее факторов.

Органическая включенность знаний логического типа в структуру коллективного труда делает их явлением социального плана. Но для того, чтобы знания могли существовать и функционировать как общественное явление (чтобы концепт мог реализовать социальную природу своего логического компонента), они должны существовать и функционировать на стабильной базе социально-коммуникативной знаковой субстанции. А такой субстанцией является субстанция языка. Отсюда неопровержимая в своих основах классическая идея единства языка и логического мышления, идея второй универсальной (когнитивной) функции языка, функции знакового субстрата логических форм.

В когнитивной науке на имплицитном признании у концептуальной единицы языкового субстрата строится отмеченная выше задача «получения знания о знании», реализуемая путем обращения к проблемам, связанным с приобретением, обработкой, хранением, накоплением, систематизацией и другими процессами оперирования знаниями. Очевидный социальный характер большинства подобных процессов предполагает осуществление их в концептуально-коммуникативных, ergo, в языковых формах.

Сторонники положения об универсальном характере перцептивно-образной основы логического компонента концепта, соглашаясь с необходимостью решения данной задачи, не учитывают того обстоятельства, что деятельность в этом направлении предполагает существование концептуальных единиц на базе коммуникативно-языкового субстрата, обеспечивающего их общественное бытие. В то же время названными исследователями постулируются положения, направленные на ограничение функционального пространства языка (см. выше). Правда, ими допускается фиксация языковыми средствами ком-

муникативно релевантных концептов. Однако это допущение, как мы видели, ставит языковой материал относительно логического компонента концепта (относительно форм логического мышления, знаний логического типа) в положение вторичного, а значит, второстепенного, эпизодического, внешнего, сопутствующего чувственно-образному способу их представления.

Между тем тезис, согласно которому языковыми средствами эксплицируются коммуникативно релевантные концепты, не выдерживает критики, и вот почему.

Зададимся вопросом: что представляет собой коммуникативно релевантный концепт? Очевидно, это ментальная структура, отличающаяся прежде всего высокой употребительностью, частотностью воспроизведения в актах общения. Очевидно также, что названные признаки концепта определяются степенью значимости содержащейся в нем информации для общественной группы, т.е. уровнем его социальной актуальности. И именно уровень общественно-информативной значимости, актуальности, соответственно, востребованности концепта (его логического содержания) и служит фактором, определяющим степень его коммуникативной активности (релевантности). Тем самым коммуникативная релевантность концептуальной единицы оказывается величиной, производной от ее социальной релевантности. Последняя же, выступая (независимо от интенсивности (степени релевантности) своего проявления) показателем социальной природы концепта в целом, обуславливает его языковое выражение.

Об этом убедительно свидетельствует факт индифферентного отношения библиографического материала к представленному им концептуальному содержанию: в функции знакового субстрата фонетические оболочки языковых (вербальных) единиц в равной мере широко «обслуживают» и коммуникативно релевантные, и иррелевантные структуры.

Характерно в указанном отношении и то обстоятельство, что на огромном фоне «языковленных» концептов остаются непредставленными или представленными единичными примерами даже в описательно-языковом выражении релевантно «слабые» в коммуникативном плане концепты.

Всем этим снимается положение о представлении языковыми средствами коммуникативно релевантных концептов.

Не следует, однако, думать (как это пытаются представить ревнители абсолютизации коммуникативной функции языка), что экспликация коммуникативно-языковой субстанцией знаний логического типа представляет собой акт внешнего механического соединения «кванта» логической информации с языковым материалом. Связь между логической и

языковой сферами человека имеет изначально-генетический, органический, причинно-следственный характер и уходит своими корнями в далекое историческое прошлое. Об этом свидетельствует обобщенно-понятийная природа современной коммуникации. Становление на определенном этапе антропосоциогенеза способности к логическому мышлению, полагают ученые, могло быть обусловлено возникновением у формирующегося человека потребности в обобщенных формах коммуникации. В этом отношении весьма показательным является высказывание Л. С. Выготского: «Для того, чтобы передать переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это <...> непременно требует обобщения. Таким образом, оказывается, что общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения, т. е. обобщение становится возможным при развитии общения. Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность» [7, с. 17].

В данном высказывании в аспекте обсуждаемой проблемы существенны следующие положения.

Во-первых, «общение необходимо предполагает обобщение», которое достигается осуществлением процесса коммуникации через соотнесение предмета мысли с классом подобных ему (однородных, скажем мы сейчас) предметов. Этим обеспечивается социальный характер коммуникации – восприятие и понимание собеседником содержания индивидуальной мысли говорящего об определенном конкретном предмете. Необходимое для этого обобщение, как следует из содержания приведенного высказывания, создается путем представления говорящим своей мысли в структурной оболочке понятия. А это значит, что обобщение как облигаторный элемент коммуникации создается средствами форм логического мышления.

Во-вторых, «обобщение становится возможным при развитии общения»: формы логического мышления как структурная основа современной коммуникативной деятельности явились продуктом развития этой деятельности, – согласно современным данным, продуктом реализации потребности в передаче информации, содержательно выходящей за пределы ситуации общения, – сведений о предметах и событиях, удаленных в пространстве и во времени (принцип *перемещаемости* Ч. Хоккета) [8].

И наконец, в-третьих, «общение необходимо предполагает обобщение и *развитие словесного значения*» (курсив наш. – Е. А.): становление логических форм как обобщенных ментально-коммуникативных

сущностей происходило путем содержательно-структурного преобразования изначально «допонятийного» языкового субстрата общения в типизированное средство выражения его семантикой обобщенного содержания указанных логических форм. (Отсюда обобщенный характер значений языковых единиц.)

Первым и основным шагом на этом пути стало образование понятия как базисной единицы логического мышления в языковой форме протослова [8, с. 219–220].

Таким образом, тенденции эволюции коммуникативно-языковой сферы формирующегося человека могли явиться одним (если не единственным) из факторов, стимулировавших становление сферы логического мышления. При этом генетическая связь данного типа мышления с развивавшейся коммуникацией как языковым феноменом предопределила образование и существование логических форм на материале и в обусловленных ими структурно типизированных формах языковой субстанции.

Таким образом, отмечаемая в когнитологии тенденция, – опираясь на гносеологическую природу концепта, подводить под «общий знаменатель» перцептивно-образные и логические формы познавательной деятельности человека и в русле этой тенденции абсолютизировать конкретно-чувственную составляющую концептуальных структур – провоцирует недооценку логического компонента концепта и, как следствие, недооценку социального характера соответствующих концептов и роли языка как их генетически исконной знаковой доминанты. Служить универсальным семиотическим базисом концепта, универсальным средством экспликации его логического звена, а тем более этнической концептосферы перцептивно-образная субстанция не может в силу ее физической неспособности к непосредственному выходу в интересующее пространство, resp. неспособности эксплицировать социальную сущность концепта как единицы знания: обозначенная субстанция замыкает концепт в сфере индивидуальной психики и низводит до уровня его монокомпонентного наглядно-чувственного «собрата», выходы которого в социальное пространство могут осуществляться только опосредованно, путем описания его образного содержания языковыми средствами.

Универсальному использованию перцептивно-образного материала в знаковой функции препятствует также его неустойчивость, зыбкость, изменчивость очертаний. Нестабильный характер образа ограничивает его употребление в указанной «представительской» роли по отношению к логическому содержанию даже в пределах собственно концептуального пространства: непостоянство наглядно-образной субстанции делает возможным ее употребление только в пределах времени осуществления мыслительного

процесса. Не случайно Н. И. Жинкин ограничивал употребление единиц УПК сферой процессуального феномена внутренней речи. И не случайно понятие как концептуальная структура в стабильном, не ограничиваемом временными рамками ментального процесса состоянии презентуется в нашем сознании вербальными средствами – акустическим / графическим образом звуковой оболочки слова. Такой образ, представляя языковую единицу как орудие коммуникации уже не в индивидуальном, а в общественном (этническом) сознании, открывает перед ее концептуальным (в данном случае понятийным) содержанием область социально-ментальной, психической экзистенции, сам выступая при этом действительно универсальным средством презентации концептуальной структуры в данной области. Поэтому стабильная образная экспликация концепта достигается не на пути непосредственного индивидуально-образного отражения им объекта окружающего мира, а на опосредованном пути образно-социального представления в сознании языкового коллектива номинации этого объекта.

И очевидно, именно на этом пути следует искать решение вопроса о семиотическом субстрате этнической концептосферы и других проявлений социально-онтологической сущности концептуальных образований.

Таким образом, социально-психическая экспликация концепта также осуществляется через сферу языка при его определяющем участии.

Приведенный материал подводит к мысли о том, что презентация логического компонента концепта его наглядно-образной составляющей (единицей УПК) представляет собой частный, индивидуальный, возможно, исторически более поздний случай универсального процесса оперирования концептуальными единицами в их генетически исходной, приоритетной общественно-языковой манифестации; это не выходящий за пределы индивидуальной мыслительно-процессуальной деятельности момент на общем социально-языковом фоне существования и функционирования концептуальных структур с логическим компонентом.

Убедительным свидетельством в пользу данной точки зрения служат показания онтогенеза: как известно, процесс мышления ребенок начинает осуществлять «вслух», пользуясь субстанцией языка,

звучащей речи, и лишь с течением времени приобретает способность мыслить «про себя», посредством внутренней речи, предполагающей возможность использования в качестве знакового субстрата логического элемента мысли материала конкретно-чувственных образов.

Приведенное суждение о взаимоотношении концептуальных и языковых структур подтверждается также фактом приобщения к логическому мышлению слепоглухонемых и глухонемых через овладение языком [9; 10].

Аналогичное рассмотренному противоречие обнаруживается и при сопоставлении приведенного выше положения об универсальном характере наглядно-чувственного субстрата концепта и идеи концепта как явления культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 123 с.
3. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1998. – 368 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг. Личность. Концепт. Дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 392 с.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. – 314 с.
6. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 104 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 416 с.
8. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества / И. Л. Андреев. – М. : Мысль, 1988. – 416 с.
9. Мещеряков А. Об авторе этой книги и системе обучения слепоглухонемых / А. Мещеряков // Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. – М. : Педагогика, 1990. – С. 8–20.
10. Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / О. И. Скороходова. – М. : Педагогика, 1990. – 416 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Артеменко Е. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: kafedra.tim@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 236-41-84

Voronezh State Pedagogical University

Artemenko E. B., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of Teaching of the Russian Language and Literature Department

E-mail: kafedra.tim@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 236-41-84